

И. Я. Жебраткина, Глушковско-алёксовские говоры в системе мокшанских диалектов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Саранск 2013. 173 с. + 2 приложения.

19 декабря 2013 г. на заседании диссертационного совета Д 212.117.09 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.02 — Языки народов Российской Федерации (финно-угорские и самодийские) в Мордовском государственном университете им. Н. П. Огарева состоялась защита кандидатской диссертации И. Я. Жебраткиной. Работа выполнена на кафедре мокшанского языка Мордовского государственного университета. Научный руководитель — доктор филологических наук, профессор Г. С. Иванова. Официальными оппонентами выступали доктор филологических наук профессор А. Н. Куллин (Йошкар-Ола), кандидат филологических наук доцент Л. И. Макушкина (Саранск).

Описание звуковых процессов и соответствий, а также фонемного инвентаря глушковско-алёксовских говоров, изучение их морфологического строя как наиболее устойчивого уровня языка представляют большой интерес как для разработки общетеоретических вопросов ареальной лингвистики, так и для решения конкретных задач мордовской диалектологии: определение границ распространения отдельных явлений, взаимовлияние географически соприкасающихся говоров, смешения языков и диалектов как результат миграции населения.

Исследование состоит из введения (с. 5—10), четырех глав (с. 11—153), заключения (с. 154—162), списка использованной литературы и приложений. Оно снабжено 27 таблицами. Объем без приложений составляет 173 с. Библиографический список содержит 108 наименований (с. 163—172), список словарей (с. 173) — девять названий.

И. Я. Жебраткина постаралась как можно полнее представить библио-

графические сведения об источниках своей работы. Однако в некоторых библиографических справках, к сожалению, встречаются ошибки фактического характера, иные неточности или орфографические погрешности. Использованные сокращения следовало бы дешифровать в конце списка литературы.

В приложении 1 (с. 1—36) приводится словарный материал исследуемого диалекта. Правда, не указаны населенные пункты, в которых он собран, и информанты автора. А ведь эти данные представляют определенный интерес для сравнительного изучения лексики волжско-финских языков. Ср., например, глушковско-алёксовские — марийские лексические параллели: *limftəm sur* 'безымянный палец' (с. 1) — мар. *lijmdymö parnja, akšəptəms* 'белить' (с. 1) — мар. *ošemdaš, akšə panga* 'белый гриб' (с. 2) — мар. *oši понго, vidava* 'богиня воды' (с. 2) — мар. *vjđava* 'мать воды', *šeli* 'вяз' (с. 8) — мар. *шоло, suvəži* 'глухарь' (с. 9) — мар. *сузо, kurməs* 'горсть' (с. 9) — мар. *кормыж*.

Приложение 2 (с. 37—44) содержит диалектные тексты с переводами на русский язык. Все тексты паспортизированы, например, текст 2: Изговора села Паёво Кадошкинского района Республики Мордовия. Информаторы: Лобанов Виктор Михайлович, 61 год; Щанкина Анна Афанасьевна, 76 лет; Моисеева Людмила Сергеевна, 55 лет (с. 38).

Композиция работы соответствует поставленной цели — системному описанию современного состояния глушковско-алёксовских говоров и выделению их из состава говоров мокшанского языка на основе фонетических и морфологических особенностей. В центре внимания автора такие узловые задачи, как описание фонемного состава глушковско-алёксовских говоров; изучение фонетических про-

цессов в области вокализма и консонантизма; исследование морфологических особенностей.

Теоретической и методологической основой для исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные общим и частным вопросам фонетики и морфологии диалектов финно-угорских языков, анализу деривационных единиц, которые, как и грамматические, имеют категориальные значения, способствующие объединению формальных групп слов. Основными научными методами в работах подобного характера, как правило, являются сравнительно-исторический, синхронно-описательный и лингвогеографический.

Свои изыскания И. Я. Жебрatкина проводила на диалектных материалах, которые хранятся в словарном кабинете мокшанского и эрзянского языков Мордовского государственного университета. Она пользовалась также текстовыми материалами, собранными студентами и сотрудниками кафедры мокшанского языка во время диалектологических практик. Кроме того, ею привлекались опубликованные диалектные тексты, научные труды (монографии и статьи) отечественных и зарубежных финно-угроведов, которые содержат лексические, фонетические и грамматические данные диалектов мокша-мордовского языка.

Во введении (с. 5–10) отмечаются актуальность темы, объект, цель и задачи исследования; интерпретируются лингвистические методы и приемы, нацеленные на анализ фонетики и морфологии говоров мокшанского языка в лингвогеографическом аспекте; описываются источники работы; раскрывается научная новизна исследования, его теоретическая и практическая значимость. Что касается справочных данных: сокращения названий языков и диалектов, общепринятые сокращения источников можно было дать в конце работы. А вот транскрипция и трансграфика обычно помещаются во вводной части.

Глава 1 «Классификация мокшанских диалектов» (с. 11–15) посвящена систематизации работ по диалектографии мокша-мордовского языка и комментариям к ним. Историография вопроса отличается широтой охвата источников и глубиной проникновения в суть анализируемого материала, несмотря на небольшой объем главы.

Однако в поле зрения И. Я. Жебрatкиной попали не все работы. Так, автор не обратила внимания на статьи С. З. Деваева «Диалекты мокша-мордовского языка в фонологическом аспекте» (— Очерки мордовских диалектов IV, Саранск 1966, с. 3–15), «О сочетаемости фонем в юго-западных говорах мокша-мордовского языка» (— Очерки мордовских диалектов IV, Саранск 1966, с. 226–250). Эти работы имеют определенное теоретическое значение для исследования мокшанского языка.

В своей работе И. Я. Жебрatкина опирается на классификацию диалектов, предложенную А. П. Феоктистовым, который выделил пять типов мокшанских диалектов: центральный, юго-восточный, западный, переходный и смешанный. Последние два, по мнению И. Я. Жебрatкиной, распространены главным образом за пределами Республики Мордовия (с. 13).

Под глушковско-алёксовскими говорами мокшанского языка она понимает говоры сел Новое Пшеново, Старое Пшеново, Подгорное Алёксово, Мордовское Коломасово (Ковылкинский район); Глушково, Паево, Алёксово, Адашево (Кадошкинский район), находящихся на расстоянии 2–8 км друг от друга (с. 14). В этой связи интересно узнать, имеются ли островные говоры мокшанского языка? Островные говоры, как правило, переживают процесс ассимиляции русским языком, что ведет к их полному исчезновению. Как известно, об островном ареале впервые заговорил на совещании по общим вопросам диалектологии и истории языка в Ереване (2–5 октября 1973 г. см. Лингвистическая география, диалектология и история языка, Ереван 1976). Естест-

венно, возникает и другой вопрос, к какому типу говоров относится речь мокшан, проживающих на территории Республики Татарстан?

Глава 2 «Фонология» (с. 16—38) состоит из 11 разделов, выделенных на основе индексационного принципа нумерации.

В глушковско-алёксовских говорах система гласных фонем, согласно И. Я. Жебрatкиной, насчитывает шесть единиц: *u, o, a, i, e, ə* (с. 16).

Глава богата ценными сведениями и новой информацией, поскольку фонетические явления в системе вокализма глушковско-алёксовских говорах анализируются впервые. В этой связи интересно узнать, что является причиной интерфиксации (см. с. 21) гласных, или иными словами, с чем связано появление эпентетического звука в инлауте слова? Не нацелена ли эпентеза на разрядку стечения согласных?

Что означает выражение «в словах с головным заднерядным гласным» (см. с. 23). Как полагает рецензент, автор, видимо, имеет в виду слова с конечным заднерядным гласным или с ауслаутным велярным гласным?

Появление [ə] в интерконсонантной позиции обусловлено не прекращением действия закономерностей акцентуации, а разрядкой стечения согласных.

Фонологическая система глушковско-алёксовских говоров, как отмечает И. Я. Жебрatкина, состоит из 35 фонем. Кроме того, в качестве альтернанта фонем выступают 15 согласных (с. 25). А в какую оппозицию входят согласные *b, p, v, f, g, k* по своим дифференциальным признакам? И. Я. Жебрatкина в своих оценках дифференциальных признаков согласных фонем рекомендует смотреть табл. 2 (с. 27). Однако в работе эта таблица отсутствует.

На качество звука существенное влияние оказывает его позиция в слове. В потоке речи как гласные, так и согласные могут частично или полностью уподобляться друг другу. Как правило, это происходит у гласных с

гласными, у согласных с согласными. Ассимиляция в глушковско-алёксовских говорах, как отмечает И. Я. Жебрatкина, может быть полной и неполной, прогрессивной и регрессивной, контактной и дистактной. Приводятся интересные примеры.

Анализируемый во 2-й главе материал строго систематизирован. Глава богата новой информацией о фонетических явлениях в звуковой системе глушковско-алёксовских говоров. Выводы автора не вызывают сомнений.

По поводу акцентуации И. Я. Жебрatкина отмечает, что в большинстве слов ударение падает на первый слог (с. 24). Вопрос: какой же характер имеет словесное ударение в глушковско-алёксовских говорах? Как известно, ударение, т. е. просодия, относится к числу надсегментных фонетических единиц. Оно бывает силовым (динамическим), музыкальным (тоническим), количественным. Так, в диалектах лугового наречия марийского языка ударение количественное, разноместное, подвижное.

В главе 3 «Морфология: словоизменение» (с. 39—134) анализируются средства выражения грамматических значений знаменательных и служебных частей речи.

В поле зрения И. Я. Жебрatкиной не попали междометия и звукоподражания. Это правомерно, поскольку междометия — неизменяемые лексические единицы для выражения чувств и волевых побуждений, грамматически не всегда связанные с другими словами. Они связаны лишь интонационно в структуре сложного синтаксического целого.

О грамматических свойствах междометий интересны высказывания авторитетных лингвистов. Так, В. В. Виноградов характеризует междометия как грамматически «ущербные», но обладающие определенными грамматическими особенностями. Грамматическая ущербность их заключается в том, что они лишены форм словоизменения и не располагают системой грамматических форм. «В сравнительно редких случаях они сочетаются с

другими частями речи в синтаксическое единство» (В. В. Виноградов, Русский язык, Москва 1986, с. 612). Звукоподражания в грамматическом отношении близки к междометиям.

Рассматривая значение категории числа существительных, И. Я. Жебряткина отмечает, что многие существительные в русском языке, имеющие лишь форму единственного или множественного числа, в глушковско-алёксовских говорах имеют обе формы — единственного и множественного числа: *sal* — *salt* 'соль (мн. ч.)', *lapša* 'лапша' — *lapšat* 'лапша (мн. ч.)' и др. (с. 40).

Возникает вопрос: почему появляется противоположное число у существительных, выступающих лишь в форме единственного числа? Связано ли это с изменением их лексических значений или с какими-то другими факторами.

Рассматривая вид глагола как грамматическую категорию, И. Я. Жебряткина в зависимости от продолжительности действия во времени выделяет четыре вида глагола: некротный, начинательный, однократный и многократный (с. 122). Если анализировать эту категорию в сопоставлении с аналогичной категорией русского языка, можно констатировать, что семантически виды русских и мокша-мордовских глаголов совпадают: они характеризуют способ протекания действия. Однако в русском языке основным критерием квалификации вида глагола является обозначение отношения действия к внутреннему пределу. Внутренний предел действия понимается русистами как его естественный исход, достижение предполагаемой цели или определенного результата, достижение известной границы. Совершенный вид при этом выступает как сильный, маркированный член видовой противопоставления, обозначающий предел действия, его естественный исход или результат, а несовершенный вид — как слабый, немаркированный член видовой противопоставления, т. е. не обозначает предела действия, а выражает действие в его течении, длительности

(Современный русский язык 3, часть 2. Словообразование. Морфология, Москва 1987, с. 162). Следовательно, выражение однократности и многократности действия для русских глаголов считается лишь дополнительным видовым показателем, для мокша-мордовских же — это главное основание дифференциации однократных и многократных глаголов. В этой связи возникает вопрос, нельзя ли пересмотреть классификацию категории вида мокшанского языка, упорядочив аспектуальные противопоставления, связанные с достижением/недостижением внутреннего предела действия, с понятиями многократности, обычности и т.п.?

Завершая анализ указанной главы, следует отметить, что с основными положениями, изложенными в ней, нельзя не согласиться. Импонирует стремление автора дать исчерпывающее, детализованное описание грамматических значений слов знаменательных и служебных частей речи.

Глава 4 «Словообразование» (с. 135—153) является теоретизированной частью диссертации. Написана она на основе анализа обширного фактического материала.

По мнению И. Я. Жебряткиной, в глушковско-алёксовских говорах пополнение словарного состава происходит двумя путями: путем образования новых слов на базе существующих в языке основ и словообразовательных аффиксов; путем заимствования слов из русского языка. Первый путь словообразования осуществляется в основном двумя способами: морфологическим (суффиксальным) и синтаксическим (словосложением) (с. 135).

Слова, образованные сложением, следует отличать, во-первых, от слов, образованных аффиксацией, во-вторых, от слов, представляющих собой сращение словосочетания в одно слово (лексико-синтаксический способ словообразования). Образование существительных И. Я. Жебряткина иллюстрирует примерами: *kərga* 'шея' — *kərga-ne* 'бысы' (с. 136). Однако в русском языке нет слова *бысы*. *Čivge* 'калина' — *čivga-ks* 'калина (дерево)' (с.

136). Насколько знает рецензент, калина всегда считалась кустарником, а не деревом, например: *калина* — 'кустарник семейства жимолостных, с кремовыми цветками и красными ягодами' (Словарь русского языка 2, Москва 1986, с. 21).

Теоретическую часть работы завершает заключение (с. 154—162), содержащее выводы по всем главам.

В соответствии с классификацией мокшанских диалектов А. П. Феоктистовым, глушковско-алёксовские говоры И. Я. Жебряткина относят к юго-восточному диалекту.

Следует отметить, что автор поставила и решила важные вопросы мордовской диалектологии, нацеленные на сбор, систематизацию словарного материала и фактов живой речи носителей говоров.

Исследование обширного материала позволило автору сделать ряд наблюдений об основных фонетических и грамматических особенностях глушковско-алёксовских говоров мокшанского языка и ввести в научный оборот новые сведения об их звуковой системе. На основе изучения диалектных данных мокшанского языка ей удалось провести большую работу по интерпретации пучков фонетических изоглосс. Они, несомненно, будут использованы при изучении фонетики диалектов финно-волжских языков.

Следует заметить, что в техническом отношении работа И. Я. Жебряткиной выполнена надлежащим образом. Автору удалось сформулировать выводы о фонетической системе и морфологической структуре глушковско-алёксовских говоров мокшанского языка с привлечением ранее неизвестного или малоизвестного материала. Результаты работы, несомненно, помогут в решении теоретических вопросов по диалектографии уральских языков.

В работе имеются отдельные недостатки: стилистические (с. 15, 18, 21, 24, 33, 34, 36, 53, 103); орфографические (с. 2, 7, 8, 35, 83, 104), пунктуационные (13, 15, 20), не имеющие существенного значения.

В теоретической части встречаются отдельные спорные положения, побуждающие к дискуссии. Однако отмеченные погрешности легко устранимы и не снижают общей положительной оценки исследования.

Резюмируя изложенное, можно констатировать, что И. Я. Жебряткина решила многие вопросы мордовской диалектологии, фонетики и грамматики. По своему содержанию предлагаемые решения не вызывают принципиальных возражений. Репрезентация конкретных наблюдений и выводы автора аргументированы и научно обоснованы. Теоретическая и практическая значимость их несомненна. Поэтому они могут быть использованы при сравнительном изучении диалектов финно-угорских языков Урало-Поволжской историко-этнографической области.

Теоретические положения и иллюстрационный материал могут стать опорой при составлении учебников «Мордовская диалектология», «Хрестоматия по мордовской диалектологии», «Диалектография волжско-финских языков», «Основы лингвистической географии», «Диалектологический словарь мордовских языков».

Работа И. Я. Жебряткиной «Глушковско-алёксовские говоры в системе мокшанских диалектов» — это законченный научно-исследовательский труд, содержащий добротный фактический материал и отличающийся научной новизной и обоснованностью теоретических положений. Она, несомненно, восполнит существенный пробел в изучении фонетических и морфологических особенностей диалектов как в мордовском языкознании, так и в уралистике в целом.

АНАТОЛИЙ КУКЛИН (Йошкар-Ола)

Address

Anatolij Kuklin
Mari State University
E-mail: markaf@marsu.ru